

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТ

От автора.....	11
Пролог	12
Часть I. Палестинец	20
Часть II. Журналист	159
Эпилог	291

ФРОНТОВАЯ ЛЮБОВЬ

От автора.....	299
----------------	-----

Часть первая

Фронт

Глава первая	301
Глава вторая	312
Глава третья	317
Глава четвертая.....	327
Глава пятая	332
Глава шестая.....	343
Глава седьмая	354

Часть вторая

Любовь

Глава первая	360
Глава вторая.....	371
Глава третья	385
Глава четвертая	394

Часть третья

Расплата

Глава первая	400
Глава вторая.....	406
Глава третья.....	414
Глава четвертая.....	421
Глава пятая	433
Вместо эпилога.....	440

«Наши с Андреем Константиновым отношения я бы не назвал ни знакомством, пусть даже довольно большой степени близости, ни приятельством — это была именно дружба. На протяжении двадцати с лишним лет Андрей оставался моим другом в старинном смысле этого слова, то есть умным, проницательным и в то же время доброжелательным собеседником, нередко — единомышленником в том, что касалось главного дела нашей жизни. Для Андрея, влиятельного журналиста, а отчасти и политика, литература была тем, чем для Карла Маркса — религия: с одной стороны, это „опиум для народа“, с другой — „вздых угнетенной твари, сердце бессердечного мира“. Выпускник Восточного факультета ЛГУ, арабист, начинавший свой путь военным переводчиком в Йемене, он больше всего ценил в ней то, что часто противоречило его журналистскому опыту, но совпадало с твердо укорененными в нем юношескими, романтическими и не избытыми до конца жизни представлениями о правде, которая обязательно пробьет себе дорогу, о чести, которую надо беречь смолоду, и о силе, которая легко уживается с благородством. Об этом, собственно, и знаменитый сериал, снятый по его ранним книгам и принесший ему всемирную любовь, — „Бандитский Петербург“. А такая любовь не бывает ни незаслуженной, ни напрасной. В лучших романах Андрея, написанных им лично или в соавторстве с близкими людьми, гораздо больше идеализма, человечности и понимания обстоятельств нашей ограниченной временем и местом жизни, чем это может показаться, если судить по их жанровой принадлежности».

Леонид Юзефович, писатель

«Он создал лучшее издание Петербурга и одно из лучших в России, которое осталось верно себе. Он замечательный беллетрист — он один из немногих в России мог создать мощную и разную фабулу, выстроить сюжет. Помогал его опыт армии и участие в военных конфликтах. И конечно, он был асом журналистики. Его уход пробил огромную дыру в Петербурге. Андрей открыл для меня огромные континенты, о которых я лишь подозревал».

Лев Лурье, писатель и журналист

Пн Вт Ср Чт Пт Сб Вс
Mo Tu We Th Fr Sa Su

11.10

Завтра

ЖУРНАЛИСТ

Сек Конт.

Смешно

еще один журнал

не было

уже пошло

ОТ АВТОРА

Я посвящаю эту книгу всем советским военным и гражданским советникам, специалистам и переводчикам, в разное время работавшим во многих странах мира — живым и мертвым, тем, кто смог вернуться и найти свою дорогу в жизни, и тем, кому на это не хватило сил. Посвящение не распространяется на тех, кто предал всех, когда-то деливших с ним кусок хлеба, кров, даривших тепло; кому нет прощения, потому что они перестали быть людьми, превратившись в оборотней. Многие мои бывшие коллеги поймут, к кому это относится.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках — художественное произведение, поэтому все изложенное в ней — авторский вымысел, а фактура не может быть использована в суде. Любые совпадения с имевшими место реальными событиями — случайны, а расхождения — наоборот, закономерны.

На самом деле все происходило не совсем так, как описано в романе. Возможно, в действительности все было еще страшнее и тяжелее. Может быть, именно поэтому я так долго не мог написать эту книгу.

ПРОЛОГ

Октябрь 1990 года
Рейс «Аэрофлота» Москва—Триполи

— ...Палестинец, хочешь воды? Палестинец! Ты что, спишь? Выпей воды, она вкусная... Тебе бесплатно налью.

Маленький грязный мальчишка с пластиковой пятилитровой канистрой в руке с любопытством смотрел на Андрея. Обнорский огляделся — кроме него и уличного разносчика воды на крошечном пяточке у Нади Дуббат¹ не было ни души. Солнце, ветер с песком, мрачная пустая улица, вспыхивающая тысячами отблесков от стреляных автоматных гильз, и внимательные черные глаза мальчишки... Аден... Господи, неужели опять Аден?! Это ведь все уже было однажды...

Обнорский с трудом оторвал голову от нагретой белой стены, привалившись к которой он полусидел-полулежал:

— Где я?

Мальчишка, будто не слыша вопроса, продолжал тянуть свое:

— Выпей воды, палестинец, она сладкая, мой дедушка привозит ее из волшебного источника Бир аль-Айюн², тайну пути к которому знает он один. Выпей воды, палестинец.

— Я не палестинец... Я русский офицер... Помоги мне встать, мальчик.

Ощущение опасности вдруг затопило Обнорского, он потянулся рукой к лежащему рядом в нагретой солнцем пыли автомату, но чья-то нога в шегольском высоком офицерском ботинке наступила на ствол...

Андрей поднял глаза — мальчишка исчез, вместо него перед Обнорским стоял майор Мансур, улыбался недобро, сминая в острые морщины коричневую кожу на своем волчьем черепе:

— Товарищ Андрей... Как поживаешь? Здорова ли твоя семья?

Ласково-вежливый тон Мансура плохо вязался с уставившимся Обнорскому в лицо черным зрачком пистолета. Андрей чувствовал, как его тело, закрытое от солнца зеленой палестинской формой, начинает обволакивать липкая испарина страха.

— Ты удивляешь меня, переводчик. Сначала ты казался мне умнее. Зачем ты вмешиваешься в чужие дела? Абду Салих погиб от несчастного случая и собственной неосторожности — зачем ты хочешь оскорбить память покойного подлым по-

¹ *Нади Дуббат* — Клуб офицеров (арабск.).

² *Бир аль-Айюн* — Колодец глаз (арабск.).

дозрением его друзей? Почему ты надел форму палестинского офицера? Может быть, ты не тот, за кого себя выдаешь? У нас не любят шпионов...

«Сейчас выстрелит, сейчас...» Обнорский, задыхаясь от слабости и ужаса, на мгновение прикрыл глаза, но через секунду сделал над собой усилие и разлепил веки. Мансур исчез. Вместо него на пустой улице стоял Кука — точно такая же, как у Андрея, палестинская форма красиво облегла его худощавую фигуру. В правой руке Кука держал пистолет:

— Извини, братишка, — служба. — Кука улыбнулся и выстрелил Обнорскому в голову.

Время замедлилось, исчезли звуки. Андрей видел, как медленно и бесшумно выкручивается из ствола тупая пуля, как плывет она к его голове... Вспышка, боль, чернота, снова вспышка, снова чернота... Потом под веками в черном киселе начали плавать оранжевые, малиновые и зеленые шары, которые, сталкиваясь, взрывались холодными разноцветными искрами. Откуда-то пришел голос. Знакомый голос. Кто говорит?

— Не прикидывайся, ты меня узнал. У нас мало времени, слушай внимательно...

Да, конечно, Андрей его узнал. На пластиковом стуле у его кровати в госпитале министерства обороны НДРЙ¹ сидел резидент ГРУ полковник Грицалюк собственной персоной и по своему обыкновению что-то быстро жевал, не переставая говорить. Слова его журчали и сливались в какой-то гипнотизирующий рокот, до сознания Обнорского докатывались лишь обрывки фраз:

— ...Проявить благоразумие... сложная стрессовая ситуация... неправильные выводы и неадекватная реакция... серьезное ранение, стресс и потеря крови... отсутствие свидетелей... внебюджетное финансирование...

Грицалюк душил Андрея своим журчащим рокотом. Обнорский, задыхаясь, хватал ртом воздух, как вытасненная из воды рыба.

— ...ненужная драматизация... лишние проблемы... отсутствие выбора... просто забыть... должен согласиться...

«Должен согласиться? Ни за что! Сволочи!!!»

— Согласен... — хрипит Обнорский пересохшим горлом, — Дайте воды...

Грицалюк вскакивает и подбегает к двери в палату:

— Пропустите к нему водоноса!

...Снова черные глаза мальчишки напротив.

— Дай воды, мальчик...

Мальчишка покачал головой и начал выливать воду из канистры на пол:

— Ты не палестинец...

Госпитальная палата исчезла, осталось лишь ощущение обиды и чувство стыда... Пить... Как хочется пить...

...Свежая, еще не обустроенная могила на Домодедовском кладбище — на самом краю Москвы. Кто здесь похоронен? С фотографии, закрепленной на

¹ НДРЙ — Народная Демократическая Республика Йемен.

могильном холме, смотрит Илья. Это его могила. Но почему же тогда он стоит рядом с могилой и смотрит Обнорскому в глаза?

— Илюха... Ты что, живой?

Илья улыбается и качает головой.

— Илья... я обещаю тебе... — Обнорский говорит запинаясь, еле выдавливая из себя слова.

Илья предостерегающе вскидывает руку:

— Запомни, Андрюха, ты мне ничего не должен...

Обнорский задыхается от жажды, язык царапает гортань, слова обдирают горло наждачной бумагой:

— Ты спас мне жизнь тогда, в восемьдесят пятом...

Илья качает головой и улыбается.

— Илья, зачем ты ушел? Зачем ты это сделал? Зачем?

Илья снова качает головой, но на этот раз уже без улыбки:

— Все было не так. Ты же сам уже это знаешь. Ты не забыл, что я никогда не пил пива с креветками? Вспомни... И я сейчас все тебе расскажу...

Илья вдруг двинулся к Обнорскому прямо через холм собственной могилы.

— Стой! Не подходи, Илья! Не дотрагивайся до меня!

Илья остановился, посмотрел на Андрея с удивлением и улыбнулся:

— Ты что, Палестинец, до сих пор мертвых боишься? Не бойся...

— Не подходи!!! — беззвучным ртом кричит Обнорский.

...Кладбище исчезает... Темнота... Редкие оранжевые вспышки... Ровный, спокойный механический гул... Жажда... Горло словно забито песком... Пить...

— Эй, браток... Браток, ты в норме? — Андрея тряс за плечо сосед, представившийся при посадке Витей — летчиком из Джофры.

Витя, как и Обнорский, отмотал уже в Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии два года и сейчас возвращался из отпуска, проведенного в Союзе, на последний, решающий виток. Больше трех лет подряд советские офицеры в Ливии находиться не имели права — исключения, конечно, бывали, но Десятое Главное управление Генштаба шло на них с большой неохотой — невидимая очередь из офицеров, желающих заработать за границей, растягивалась на многие годы...

— Ты в порядке? — Летчик Витя участливо заглядывал Обнорскому в глаза. — Приснилось что-то?

Андрей огляделся: салон «Ту-154» был заполнен чуть больше чем наполовину. Из Москвы вылетали рано, поэтому пассажиры в основном спали, отходя от традиционных русских проводов — да еще в страну с сухим законом. Несмотря на хорошо работавшую вентиляцию, салон самолета был полностью напоен непередаваемым букетом самых разнообразных перегаров.

— Приснилось, — ответил соседу Андрей. — Я кричал что-нибудь?

— Кричать не кричал, а стонал очень жалобно, — ухмыльнулся Витя. — Что, не хочется обратно в Джамахирию?

— Не хочется, — честно ответил Обнорский. — Совсем.

Летчик вздохнул:

— Да кому охота... Платили б дома по-людски, кто бы туда поехал... Ты-то хоть в Триполи сидишь: какой-никакой, а все же город. А у нас в Джофре — каждый день одно и то же кино и все про пустыню эту сраную... Я своего инженера неделей раньше туда из отпуска провожал — так он в Шереметьеве белугой ревел, ага... Хорошо хоть, что не при погонах были...

Обнорский вздохнул и вытер испарину со лба. Кошмар короткого сна ушел, но сердце продолжало бухать в груди, как после долгого бега.

— Слушай, Витя, у тебя попить ничего нету? Сушняк во рту, будто лошади насрали...

Летчик крикнул и достал из пластикового пакета две банки пива:

— Выручу уж, чего там... Давай, братишка. На посошок пивком отполируемся...

Холодное пиво уняло противную похмельно-нервную сухость во рту и дрожь в руках. Андрей расслабился. Похмелье было ощутимым, но вполне терпимым. Учитывая, что последние три дня он пил, что называется, вчерную, могло быть и хуже. Майор Витя через несколько минут задремал, стиснув в руке пустую банку из-под «Хейникена», а Обнорский закурил, откинувшись в кресле, и, покусывая нижнюю губу, начал думать.

«Что же делать?.. В самоубийство Ильи я не верю — не таким был парнем Новоселов, чтобы вот так, ни с того ни с сего себя газом травить... Да еще в Триполи... Да еще накануне прилета из Союза Ирины... Только те, кто плохо знал Илью, могли считать его свихнувшимся на войне интернационалистом...»

Обнорский знал, что Новоселов сумел переломить свой «йеменский синдром». Или только думал, что сумел?..

Андрей вспомнил постаревшую, опухшую от слез и водки вдову Ильи... Бред какой, в двадцать пять — вдова... Когда Обнорский увидел Ирину, Илью уже месяц как похоронили, а она все еще не отошла... Обнорского Ирина сначала не хотела пускать в квартиру, потом долго кричала ему в лицо какую-то обидную, несправедливую бабскую чушь, потом, выпив водки, истерично хохотала, давась сигаретным дымом... Предсмертное письмо Ильи она все-таки почитать Андрею дала, вернее, не дала — швырнула в лицо смятый, покоробленный высохшими слезами голубоватый листок, заполненный твердым, убористым почерком. Обнорскому уже приходилось пару раз читать записки самоубийц — когда-то в Йемене в контингенте советских военных советников и специалистов вспыхнула настоящая суицидная эпидемия... Письмо Ильи отличалось каким-то странным внутренним спокойствием и даже неким жутковатым лихачеством:

«Ирина, прости и не осуждай. Не терзай себя — ты тут абсолютно ни при чем, все дело во мне. Когда ломается внутренний стержень, жить становится невозможно. Видимо, во мне не хватило силы сопротивляться прошлому — оно настигло меня и сделало жизнь мучением. Сейчас мне

уже легко — решение принято и обратного хода нет. Извинись перед всеми, и пусть меня не поминуют плохо — подлость я никому не делал, а своей жизнью могу распорядиться сам. Жаль, что не увижу больше Россию, Москву — все это снится мне каждый день. Сегодня видел сон, как сижу в „Жигулях“ и пью пиво с креветками... Утром даже вкус во рту ощущал. Да ладно, видно, не судьба... Я прошу — прости меня и живи легко.

Твой Илья».

Число, подпись — и все это четко, аккуратно, со всеми запятыми и без единой грамматической ошибки. Именно это сразу очень не понравилось Обнорскому — принявший решение на уход человек обычно настолько взвинчен или, наоборот, подавлен, что это отражается на почерке и на орфографии. А тут такое впечатление, что Илья был спокоен, как танк. Обнорский споткнулся еще на чем-то в письме Новоселова, но размышлять об этом у Ирины не стал — она то плакала, то проклинала всех подряд и Илью тоже... (Родина, как обычно, сделала для вдовы своего офицера «все что могла»: валютный счет Ильи был заморожен во Внешэкономбанке, но Ирине пообещали, что часть денег ей, может быть, вернут, но не в долларах, а деревянными, по официальному курсу. А пенсия ей не полагалась — детей у Новоселовых не было, да и погиб Илья не при исполнении, а сам на себя руки наложил... Так что осталась Ирина у разбитого корыта — ни мужа, ни денег, ни даже работы: собираясь к Илье в Ливию, она, естественно, уволилась с Московского радио, где работала корреспондентом, место это тут же было занято.)

...На Домодедовском кладбище Андрей с трудом разыскал могилу Ильи. На ней не было пока ни креста, ни обелиска. Ограды тоже не было. На невысоком холмике, размытом начавшимися осенними дождями, сиротливо и жалко лежала маленькая плитка из дешевого гранита. На плитке была закреплена фотография Ильи в форме, а под ней выгравирована лаконичная надпись: «Капитан Новоселов Илья Петрович 17.03.1962–25.08.1990».

Обнорский достал из кармана плоскую бутылку джина «Бифитер» (этот джин был их любимым напитком в Йемене, плоские бутылочки там называли «ладошками», их удобно было таскать в заднем кармане), плеснул немного на могилу, потом в три глотка опорожнил полбутылки. Джин пился легко, словно вода, его не хотелось ни запивать, ни закусывать. Андрей закурил и присел на корточки, глядя на фотографию Ильи. Он никогда не видел Илью в советской военной форме — теперь вот только сподобился, на могильной фотографии... Андрей сделал еще несколько больших глотков, «закусывая» их лишь табачным дымом, и почувствовал, что его наконец-то начало цеплять. Внутреннее напряжение спадало, глаза заслезились. Обнорский обхватил голову руками и начал легонько раскачиваться, сидя на корточках, взад-вперед. Уткнувшись лицом в колени, он начал негромко постанывать, словно напевая какой-то жуткий мотив:

— Что же ты, Илюха, что же ты, что?!